Камалова С. Д. Лингвоимагологический подход к мультикультурной литературе (на примере романов “Habibi” Наоми Шихаб Най, “Where the Streets Had a Name” Ранды Абдель-Фаттах и “Tasting the Sky: A Palestinian Childhood” Ибтисам Баракат) / С. Д. Камалова // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 69—85. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-69-85.

Kamalova, S. D. (2019). Linguoimagological Approach to Multicultural Literature (Based on the Novels “Habibi” by Naomi Shihab Nye, “Where the Streets Had a Name” by Randa Abdel-Fattah and “Tasting the Sky: A Palestinian Childhood” by Ibtisam Barakat). *Nauchnyi dialog, 3:* 69-85. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-69-85. (In Russ.).

УДК 811.111’42:316.48
DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-69-85

Лингвоимагологический подход к мультикультурной литературе (на примере романов “Habibi” Наоми Шихаб Най, “Where the Streets Had a Name” Ранды Абдель-Фаттах и “Tasting the Sky: A Palestinian Childhood” Ибтисам Баракат)

© **Камалова Софья Дамировна (2019),** orcid.org/0000-0002-3714-824X, *SPIN-code 3793-7435, старший* преподаватель кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва, Россия), salyam19@mail.ru.

Рассматривается явление мультикультурализма в его связи с лингвистической имагологией. Приводятся различия между либеральной моделью мультикультурализма, признанной утопической, и полицентричной моделью, уходящей своими корнями в постколониальную теорию. Новизна исследования видится в том, что идеи мультикультурализма рассматриваются в сопоставлении с идеями имагологии, также фокусирующейся на вопросах идентичности и инаковости. Обозначаются точки соприкосновения двух научных направлений. Автор показывает, что феномен мультикультурализма нашел отражение в литературе, исследование которой приобрело особую актуальность с ускорением глобализации. Приводятся взгляды как отечественных, так и зарубежных ученых на понятие мультикультурной литературы, для исследования которой предлагается лингвоимагологический подход, подразумевающий лингвостилистический анализ с акцентом на репрезентации образа «иных», «чужих» в сопоставлении с образом «своих». На материале англоязычных произведений, посвященных палестино-израильскому конфликту, автор анализирует приемы представления трагических событий противостояния глазами авторов — носителей палестинской культуры: включение в повествование дейктических

средств, образов-символов, милитаристской лексики, средств имитации ломаной английской речи и др. Автор приходит к выводу, что исследуемые произведения позволяют взглянуть на один из самых долгих конфликтов в современной истории глазами людей, постоянно живущих в условиях реального военного-политического противостояния.

Ключевые слова: мультикультурализм; мультикультурная литература; имагология; лингвистическая имагология; палестино-израильский конфликт.

1. Введение

Процесс глобализации во второй половине двадцатого века ознаменовал собой появление целого ряда новых тенденций в развитии культуры и науки. Среди них можно назвать и феномен мультикультурализма, и связанное с ним объектом исследования междисциплинарное направление имагологии. Так, по словам профессора М. В. Тлостановой, в рамках мультикультурализма рассматривается «проблема единства и разнообразия, взаимоотношения “я” и “другого” или “других”», а в более широком смысле — проблемы репрезентации и идентификации [Тлостанова, 2005, с. 5]. Явление мультикультурализма, присущее прежде всего США, Великобритании, Австралии и другим странам, в которых сосуществуют неслиянные культуры и этносы, призвано обосновать плюралистичную культурную парадигму, сопоставляющую «новое “идеальное” видение» общества с культурой «разнообразия» [Там же, с. 15]. Имагология, в свою очередь, занимается «изучением образа “чужого” (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [Ощепков, 2010, с. 251]. Известный отечественный ученый В. Б. Земсков также отмечал, что своими корнями имагология уходит в процессы культуроразличения по принципу дихотомии «свой — чужой / другой» [Земсков, 2011, с. 7].

Важно отметить, что мультикультурализм — достаточно сложное по своей природе явление, имеющее различные модели, одна из которых, либеральная, выступает за сохранение «разнообразия культурных групп и возможность их сосуществования на основе равных прав и свобод» [Тлостанова, 2005, с. 81]. Однако, как отмечает Д. Т. Голдберг, такой вариант мультикультурализма идеализирует утопическое мышление о равенстве различных культурных групп [Multiculturalism…, 1995, p. 114]. Против такого варианта мультикультурализма выступали и известные представители постколониальной теории, американский литературовед палестинского происхождения, профессор колумбийского университета Э. Саид и американский исследователь индийского происхождения, профессор Гарвардского университета Х. Бхабха. Первый в известном труде 1978 года «Ориентализм» критиковал ставшее традиционным разделение мира на Запад

и Восток, при котором становление европейской культуры и идентичности исторически происходило за счет противопоставления себя «другому» Востоку, то есть образ Востока конструировался как образ «чужого», «другого» [Said, 1978, p. 12]. Второй развивал понятие культурной гибридности, основанное на «многоголосии культур» М. М. Бахтина. Х. Бхабха описывал гибридность культур с помощью термина *внедомность* (*unhomeliness*), подразумевающего «подвешенное» состояние субъекта гибридности между родной, коренной культурой и культурой (бывшей) метрополии. Нельзя сказать, что субъект гибридности лишен дома, однако границы между домом и внешним миром спутываются [Bhabha, 1994, p. 9]. Критики ориентализма считали ошибочным со стороны либерального мультикультурализма закрепление этих границ.

Взгляды исследователей постколониальной теории легли в основу полицентричного мультикультурализма, стремящегося к тому, чтобы размышлять и судить как бы с точки зрения «“маргинальной” культуры, “маргинального” сознания <…> как активного участника событий» [Тлостанова, 2005, с. 91]. При этом идентичность в данном случае рассматривается не как конкретный набор определенных способов поведения, а как неустойчивая, динамичная категория [Там же, с. 93].

В рамках имагологии поднимались похожие вопросы, ставящие под сомнение национально-культурный детерминизм. Так, один из основоположников данного научного направления, профессор Сорбонны Жан-Мари Карре в своем труде 1947 года «Французские писатели и немецкий мираж: 1800—1940» [Carre, 1947] описывает, как идеализированный образ Германии в сочинениях Ж. де Сталь сформировал среди читателей своеобразный «немецкий миф», скрывший от французов агрессивный настрой соседнего государства [Поляков и др., 2013, с. 16].

Вслед за Ж.-М. Карре об опасности и ошибочности схематизации и «окарикатуривания» национальных литературных образов говорил также и М.-Ф. Гийяр, который ввел понятие национальных образов-«миражей», являющихся скорее оптическими иллюзиями, нежели правдивыми образами [Там же]. Позже известный бельгийский имаголог Х. Дизеринк назвал такие образы-«миражи» фикциями, то есть идеями, которые, зародившись в определенной стране и передаваясь из поколения в поколение, с течением времени теряли свою актуальность, однако по-прежнему оставались долговечными и устойчивыми [Dyserinck, 2003]. Как заключает А. Р. Ощепков, Х. Дизеринк ставит объективное существование наций под вопрос, вкладывая в понятие «нация» идею не идентичности, а идентификации, то есть отождествления себя как личности с конкретными национальными

мифами [Ощепков, 2010, с. 252]. Голландский имаголог Й. Леерссен также указывает на то, что национальность как таковая является «субъективной позицией, а не объективным условием» [Beller et al., 2007, p. 30].

2. Мультикультурная литература

Связь между мультикультурализмом и имагологией заключается не только в схожести взглядов на вопросы идентичности, но и в пересечении сфер исследования, коими являются проблемы инаковости, отчуждения, межкультурного взаимодействия и рецепции образа другого. Эта связь особенно отчетливо проявляется в так называемой мультикультурной литературе, именуемой в различных источниках также *пограничной, кросс-культурной* [Толкачев, 2003], *восточно-западной, андрогинной* [Чхартишвили, 1996], *малой* [Делез и др., 2015] и др.

Мультикультурная литература, как видно из данного названия, является продуктом, или результатом, развития мультикультурализма, а также плодотворным материалом для изучения имагологии в широком смысле и ее лингвистической составляющей в частности. Дело в том, что имагология, будучи междисциплинарным направлением, изначально возникшим в рамках сравнительного литературоведения, в ходе своего развития дала начало более узким направлениям, таким как историческая, гуманитарная, художественная, лингвистическая имагология, выделяют даже фольклорную имагологию. Языковые особенности реализации образа другого рассматриваются в рамках лингвистической имагологии, или лингвоимагологии. Как отмечает А. В. Зеленин, предметом лингвоимагологии является «изучение образа *другой* культуры, *другого* народа, этноса, что закреплено в языковой форме (в литературе, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках) и т. п. и отражает коллективные (в форме мифов, стереотипов), групповые или индивидуальные представления» [Зеленин, 2013, с. 63]. Специалисты по лингвоимагологии, такие как Л. П. Иванова, К. В. Костина и др., выделяют также аксиологический аспект в репрезентации образа другого, иного народа, страны или культуры [Иванова, 2013; Костина, 2011].

Понятие «мультикультурная литература» имеет разную трактовку в отечественной и зарубежной науке. В отечественной традиции, заложенной в исследованиях С. П. Толкачева и М. В. Тлостановой, категория мультикультурной литературы, называемой также *кросскультурной*, выделяется прежде всего на основании этнического происхождения авторов, коими являются писатели-мигранты, «по тем или иным причинам резко меняющие свое культурное окружение, вынужденные в новых условиях переживать

и пропускать через свое творческое сознание симптомы происходящего часто очень болезненного процесса аккультурации в новой среде» [Толкачев, 2011, с. 123]. В исследованиях отечественных специалистов мультикультурная литература зачастую отождествляется с постколониальной литературой, которая по сути имеет географические ограничения, относясь к английской литературе выходцев из бывших британских колоний. При этом, иммигрировав, например, из бывшей колонии в метрополию, такие авторы пишут на неродном языке [Там же].

Однако в США понятие мультикультурной литературы трактуется по-иному, исходя прежде всего из содержания, тематики произведения, а также принадлежности или непринадлежности автора к описываемой культуре. Так, согласно классификации профессора из Университета штата Огайо Рудайн Симс Бишоп и профессора из Университета Северной Айовы Мингшуй Каи, мультикультурная литература — это более широкая категория, включающая в себя так называемую мировую, или транскультурную, литературу, относящуюся к коренной культуре этнических меньшинств, кросскультурную литературу, посвященную взаимоотношениям различных культур, и «параллельно-культурную» литературу (литературу «параллельных культур») (*parallel cultural literature*), созданную автором иной культуры об этой культуре [Cai, 2002, p. 25]. При этом авторы произведений кросскультурной литературы не являются выходцами из описываемой культуры, в связи с чем стоит отметить особую значимость способности писателя погрузиться в отображаемую неродную культуру [Ibid., p. 45]. В свою очередь, авторы произведений из категории «параллельной культуры» являются выходцами из этой культуры. По мнению американских исследователей, параллельно-культурная литература — наиболее важная составляющая мультикультурной литературы в целом [Ibid., pp. 29—30].

Материалом для данного исследования служат англоязычные мультикультурные романы о палестино-израильском конфликте, авторы которых являются выходцами из Палестины, то есть, согласно классификации М. Каи и Р. Симс Бишоп, в центре внимания — параллельно-культурные романы. Нами проанализированы три произведения: “Habibi” («Хабиби») Наоми Шихаб Най [Nye, 1999], отец которой иммигрировал из Палестины в США, “Where the Streets Had a Name” («Там, где у улиц были названия») Ранды Абдель Фаттах [Abdel-Fattah, 2010], родившейся в Сиднее в семье выходцев из Палестины и Египта, и “Tasting the Sky: A Palestinian Childhood” («Пробуя небо: детство в Палестине») Ибтисам Баракат [Barakat, 2007], перебравшейся из Палестины в США после окончания университета.

Цель данной статьи состоит в выявлении лингвоимагологических особенностей репрезентации гетерообраза, образа другого народа, в данном случае образа израильской стороны конфликта, в сопоставлении с автообразом, а именно образом палестинского народа.

В центре внимания всех трех произведений — жизнь в Палестине, со множеством трудностей и проблем, жизнь и детей, и взрослых, боль от обиды на несправедливость и размышления об отношениях между палестинцами и израильтянами. Такие рассуждения зачастую строятся по принципу дихотомии «мы—они» с использованием дейктических средств.

3. Дейксис

Как отмечает М. А. Дубовицкая, дейктические средства в языке литературы, участвуя в создании различных стилистических приемов, играют важную роль в выполнении эмотивной функции [Дубовицкая, 2017, с. 114].

Следует подчеркнуть, что использование дейктических средств в исследуемых произведениях заслуживает особого внимания, ведь, как отмечает А. А. Матвеева, дейксис является одним из основных маркеров категории «свой — чужой», так как позволяет четко разграничить «своих» и «чужих» «благодаря указанию на наличие или отсутствие принадлежности к личному пространству своего “я”» [Матвеева, 2007, с. 48]. Однако важно отметить, что понятие «чужого» носит достаточно сложный характер, так как под этим наиболее распространенным термином скрывается и понятие «иного». В одном из наших предыдущих исследований, где анализировались англоязычные произведения о палестино-израильском конфликте, представляющие израильскую точку зрения, мы говорили о стремлении авторов продемонстрировать не чуждость народов, а именно их инаковость, подразумевающую возможность мирного сосуществования [Камалова, 2018]. В работах палестинских авторов, представляющих соответственно палестинскую позицию, несмотря на то, что, как говорит одна из героинь романа Ранды Абдель-Фаттах «Там, где у улиц были названия», “the majority of Israelis I encounter have guns in their hands” [Abdel-Fattah, 2010, p. 133] («большинство израильтян, которых я вижу, ходят с оружием в руках»[1]), также прослеживается тенденция к репрезентации противоположной стороны конфликта не как «чужого», а как «иного». Обратимся к вышеупомянутому произведению, а именно к фрагменту, в котором бабушка главной героини рассказывает внучке о том, как после Шестиднев-

1 Здесь и далее перевод примеров наш. — *С. К.*

ной войны 1967 года она со своей семьей попыталась вернуться в родной дом в западной части Иерусалима, который женщине под страхом смерти пришлось покинуть в 1948 году накануне объявления независимости государства Израиль. Она рассказывает внучке о новых хозяевах, израильских поселенцах, самовольно занявших дом ее семьи, и о своих переживаниях: *They do not have two heads and ten feet. — Who? The refugees? — No, the Israelis. That is the saddest part of it all. That woman who stole my home must have also kissed and played with her children. She must have also dreamed and loved. Like me she knew pain and suffering and the torment of losing one's family and home* [Abdel-Fattah, 2010, p. 66] (У них не две головы и не десять ног. — У кого? У беженцев? — Нет, у израильтян. И это самое ужасное. Та женщина, которая украла мой дом, наверное, тоже целовала своих детей и играла с ними. Наверное, она тоже мечтала и любила. Так же, как и я, она знала, что такое боль, и страдание, и мучения от потери своей семьи и дома).

Дейктические средства здесь выполняют и объединяющую роль. Использование личного местоимения *they* для отсылки к уже упоминавшимся в разговоре лицам (речь шла о палестинских беженцах и израильтянах) создает комический эффект, так как, судя по вопросу внучки, *they* может относиться не только к израильтянам, что и имела в виду бабушка, говоря о том, что они не монстры с двумя головами и десятью ногами, но и к палестинским беженцам, которых девочка, родившаяся не в лагере для беженцев, а в квартире родителей, тоже считает «другими, иными». Далее автор, сочетая дейксис, актуализирующийся указательным местоимением *that* (*that woman*), притяжательными прилагательными *her* и *my*, личным местоимением *she / me*, с параллельными конструкциями (*that woman … must have also…, she must have also…*) и рядом однородных членов с разной синтаксической функцией, соединяемых союзом *and*, что придает особую мелодичность и распевность речи пожилой женщины, вспоминающей одно из самых трагичных событий в своей жизни, подчеркивает одинаковую сущность всех людей, вне зависимости от национальности.

4. Использование ломаного английского

Еще одним лингвоимагологическим средством репрезентации противоположной стороны конфликта является использование ломаного английского языка для описания сложных проблем или трагических событий. В такой «неправильной» речи отсутствуют сложные грамматические конструкции, зачастую предложения состоят только из существительных и смысловых глаголов, не имеют глаголов-связок или вспомогательных

глаголов. Читатель опирается на текстовую визуализацию событий, на их логическую последовательность, воспроизводимую в художественном изложении. Обратимся к следующему примеру из произведения Наоми Шихаб Най «Хабиби», где девочка из лагеря для беженцев Надин рассказывает своим друзьям Лаяне и Рафику о том, что произошло с ее братом и с отцом ребят после того, как израильские солдаты ворвались в лагерь в поисках возможного участника произошедшего в Иерусалиме теракта: *"You father — he come run — from you house," explained Nadine. "He see the soldiers — no like it. He come run, he wave arms," she demonstrated, waving wildly. "The soldiers call* ***Khaled****! —* ***come out house****! Khaled no come out." She used the Arabic word for "scared." She was crying hard now. "The soldiers say,* ***Yallah! Yallah!*** *The soldiers mad! Khaled come out, turn round and the soldier shoot! Khaled fall down. Is bad, bad! You father run to soldier, say* ***No! No!*** *He stop him." She threw her arm* [Nye, 1999, p. 226] («Ты папа — он бежать — из ты дом», — объясняла Надин. «Он увидеть солдат — это не нравиться. Он идет бежать, он махать руками», она показала, как это было, быстро размахивая руками. «Солдаты звать *Халед! Выходи из дом!* Халед не выходить». Она назвала арабское слово, означающее «испуган». Она начала горько плакать. «Солдаты говорить *Йалла! Йалла!* Солдаты бешеный! Халед выходить, повернуться, и солдаты стрелять! Халед падать. Это плохой, плохой! Ты папа бежать к солдат, говорить *Нет! Нет!* Он остановить его». Она взмахнула рукой).

Использование ломаного английского, как видно, придает отрывку особую экспрессию и эмоциональность. С одной стороны, применение однообразных простых конструкций, с повторением подлежащих, без использования синонимов (в частности, лексема *the soldiers* в роли подлежащего повторяется три раза) позволяет воссоздать четкую, схематичную картину произошедшего подобно тому, как описываются события в сценарии. С другой стороны, отсутствие правильной грамматической связи создает определенную двусмысленность, когда одно и то же высказывание, например "Is bad, bad!", где используется достаточно широкозначное прилагательное *bad*, может по смыслу относиться как к только что описанной сцене, так и ко всей ситуации в целом. Кроме того, этот прием словно ускоряет текст, без правильных грамматических конструкций структура речи нарушается, темп воспроизведения текста ускоряется, что усиливает эффект погружения в описываемую реальность.

Подобная экспрессия также достигается, когда автор приводит, например, отрывки с синхронным переводом чьего-либо рассказа о некоем происшествии с арабского на английский. Язык такого перевода весьма лако-

ничен, переводящий сохраняет лишь самую суть высказывания, при этом грамматическая правильность, в отличие от предыдущего примера, сохраняется. Предложения имеют одинаковую структуру. В следующем отрывке отец главной героини, переехавший со своей семьей из США к себе на родину в Палестину, переводит рассказ местных жителей деревни о том, как израильские солдаты ворвались в дом его матери: *Everyone kept muttering about the soldiers. Poppy translated.* ***The soldiers left in a truck. We hate their truck. We thought they weren't supposed to bother us anymore. We thought the peace said they would stay away*** [Nye, 1999, p. 186] (Все продолжали говорить о солдатах. Папа переводил. *Солдаты уехали в своем грузовике. Мы ненавидим их грузовик. Мы думали, что они не должны больше беспокоить нас. Мы думали, мир сказал, что они не будут приближаться*).

Помимо простой структуры предложений, отметим также метонимическое использование в конце отрывка слова *peace*, под которым в первую очередь подразумевается конкретное соглашение между конфликтующими сторонами, некий документ, однако использование в сочетании с этим словом глагола *said* в прошедшем времени, применяемого, как правило, с одушевленными существительными, наделяет такой метонимический перенос ролью олицетворения, воплощающего в себе высшую инстанцию, некое авторитетное лицо, которому люди доверяли. Кроме того, формат перевода поддерживается использованием дейктических средств: *we, their, they, us*, — очерчивающих круг «своих» и в данном случае уже круг «чужих».

5. Образы-символы

В палестинском дискурсе важная роль также отводится символике. Прежде всего, это символы родины, например, ключ от родного дома, который пришлось покинуть из-за войн и последовавшей оккупации палестинских деревень. Как известно, палестинские беженцы до последнего надеялись вернуться в свои дома, поэтому хранили ключи от родного дома до самой смерти.

Еще один символ родины — оливковое дерево, олицетворяющее не только родной дом, в саду которого очень многие палестинцы выращивали оливковые деревья, но и надежду на справедливость. Описание того, как жестоко вырубались древние оливковые рощи, которые на протяжении многих поколений росли в палестинских деревнях и из плодов которых местные жители традиционно выжимали масло, а затем продавали его, наполнены трагизмом и болью. В следующем примере Ранда Абдель-Фаттах сравнивает потерю оливковых деревьев не просто со смертью человека, а со смертью ребенка: *He mourned the loss of his olive grove like a parent*

mourning a child [Abdel-Fattah, 2010, p. 24] (Он оплакивал потерю своей оливковой рощи, как отец, оплакивающий смерть ребенка).

В произведении Ибтисам Баракат “Tasting the Sky” автор использует рамочную конструкцию, обрамляя роман стихотворениями, рисующими образ птички, пытающейся вырваться на свободу:

Like a bird clawing
The bars of a cage
And wishing them branches,
My fingers grasp
The bus rails before me.

But I wish for nothing [Abdel-Fattah, 2010, p. 3].

(Подобно тому, как птичка цепляется за прутья клетки, мечтая о том, чтобы они обратились в ветки, мои пальцы сжимают поручни автобуса, но я ни о чем не мечтаю).

В данном стихотворении трогательный образ птички, заточенной в клетку, резко противопоставляется приземленной суровой реальности, в которой главная героиня крепко сжимает поручни в автобусе по дороге в город Рамалла, когда в салон заходит израильский солдат в военной амуниции. Противопоставление усиливается графическим отделением последней строки, что создает эффект ретардации, завершающей сравнение плененной птицы, стремящейся вырваться на свободу, с девочкой, лишенной каких-либо желаний.

6. Рутинизация конфликта

Как известно, палестино-израильский конфликт считается, пожалуй, наиболее затяжным в истории. По утверждению профессора Тель-Авивского университета Даниэля Бар-Таля, условия жизни во время столь затяжного конфликта приводят к развитию «социо-психологической инфраструктуры конфликта», которая в свою очередь становится «фундаментом культуры конфликта» и основанием для его дальнейшей рутинизации [Bar-Tal et al., 2014, p. 42]. То, что для жителей региона уже давно является нормой, может быть мало знакомо или совсем незнакомо и непонятно жителям других стран.

В художественной литературе процесс рутинизации находит свое отражение в использовании милитаристской лексики, бытующем наррати-

ве и шутках, обилии новостных вставок, главным содержанием которых является развитие палестино-израильского конфликта, и т. д. Обратим внимание на следующие примеры из произведения Ранды Абдель-Фаттах “Where the Streets Had a Name”:

(1) *Amto Amal’s tone of voice is like the siren before the dropping of bombs* [Abdel-Fattah, 2010, p. 119] (Голос тети Амаль как сирена перед бомбежкой).

(2) *Mama yells out orders faster than bullets shot from a machine gun* [Abdel-Fattah, 2010, p. 70] (Мама выкрикивает команды быстрее, чем стреляет пулеметная очередь).

В данных отрывках автор использует необычные для читателей, живущих в мирных регионах, сравнения. В первом случае речевые особенности сравниваются со звуком сирены перед бомбардировкой, а во втором — со скоростью пулеметной очереди.

Феномен рутинизации проявляется и в семейных отношениях, когда строгие родители сравниваются с израильскими солдатами, а непослушных детей этими солдатами запугивают:

(1) *“What difference is there between a mother and a soldier? None.” I underline my answer. “Mothers and soldiers are enemies of freedom. I am doubly occupied”* [Barakat, 2007, p. 12] («В чем же разница между мамой и солдатом? Ни в чем». Я подчеркиваю свой ответ. «Мамы и солдаты — враги свободы. Меня оккупировали дважды»).

(2) *If we hit one another while we were playing and distracted her, Mother warned that she would give us to the Yahood, the Jews. The only Jews we knew were the Israeli soldiers* [Barakat, 2007, p. 95] (Если мы начинали бить друг друга, когда играли, и отвлекали ее, мама грозилась отдать нас евреям. Единственными евреями, которых мы знали, были израильские солдаты).

Из первого примера видно, насколько обижена девочка на свою мать за строгость, при этом сравнение распространяется на всех матерей, о чем свидетельствует использование неопределенного артикля. Вопросно-ответная форма сравнения, афористический характер утверждения о том, что и мамы, и солдаты — враги свободы, и вывод, в котором «я» главной героини обособляется от всего остального мира, создают особый эмоциональный эффект за счет формирования поля «свой» в противовес полю «чужие», куда относятся и родная мать, и в целом все мамы, и израильские солдаты.

Во втором отрывке отметим использование арабского слова *Yahood* наряду с его английским переводом *the Jews* (евреи), оба из которых во втором предложении приобретают контекстуальный синоним в словосочета-

нии *the Israeli soldiers* (израильские солдаты), заключающий в себе отрицательный эмоционально-оценочный компонент.

О рутинизации палестино-израильского противостояния свидетельствуют также и бытующие среди жителей региона анекдоты и шутки, основанные на реалиях конфликта, как, например, в следующем отрывке, где описывается разговор между палестинскими подростками и мужчиной, пережидающими в автобусе проверку на израильском контрольно-пропускном пункте:

"House demolished? Family member imprisoned? Killed?" — "Some of this. And some of that," he says matter-of-factly. "But mainly, it's because of my mother-in-law." Samy and I trade blank looks. "She's part of the IDF?" — "No, she's a terrorist organization of her own making. I can't even have a cup of coffee in peace" [Abdel-Fattah, 2010, p. 152]. («Разрушен дом? Или кто-то из семьи в тюрьме? Убит?» — «Немного и того, и другого», — говорит он спокойно. «Но в основном, все дело в моей теще». Мы с Сэми обмениваемся взглядами: «Она вступила в Армию обороны Израиля?» — «Нет, она сама по себе как террористическая организация. Я не могу даже спокойно выпить чашечку кофе»).

Шутки о теще присутствуют в абсолютно разных культурах, однако в данном случае парадоксальным кажется даже не само сравнение тещи с террористической организацией, сколько его контекстуальное оформление, в котором эллиптические вопросы в начале фрагмента, предусматривающие обсуждение повседневной, обыденной темы, имеют драматическое, трагическое содержание, которое в дальнейшем приобретает юмористический тон.

7. Выводы

Мультикультурализм и имагология тесно взаимосвязаны. Можно сказать, что появление имагологии в разных ее вариантах, в том числе лингвистической имагологии, во многом было обусловлено и даже вызвано явлением мультикультурализма. Неудивительно, что два рассматриваемых понятия объединяет не только общность объекта исследования, но и, глубже, общность подходов к изучению идентичности. Связь мультикультурализма и имагологии особенно ярко проявляется в мультикультурной литературе. В ходе лингвоимагологического анализа англоязычных мультикультурных романов о палестино-израильском конфликте, написанных авторами-носителями палестинской культуры, нами выявлены такие особенности репрезентации авто- и гетерообразов, как использование дейктических средств не только для противопоставления, но и для сопоставления

сторон конфликта, включение фрагментов с ломаным английским для более реалистичного описания событий, воспроизведение образов-символов, подчеркивающих эмоционально-ценностную составляющую автообраза, а также создание юмористического эффекта на основе реалий конфликта, что свидетельствует о процессе рутинизации палестино-израильского конфликта.

Рассмотренные произведения: “Habibi” Наоми Шихаб Най, “Where the Streets Had a Name” Ранды Абдель-Фаттах и “Tasting the Sky: A Palestinian Childhood” Ибтисам Баракат — позволяют по-другому взглянуть на непрекращающийся конфликт, погрузиться в его изнанку, в которой люди не изолированы от непосредственного военно-политического противостояния, а живут, учатся, работают, ссорятся с родителями, смеются и плачут в условиях его реальности.

Источники

1. *Abdel-Fattah R.* Where the Streets Had a Name / R. Abdel-Fattah. — New York : Schlastic Press, 2010. — 314 p.

2. *Barakat I.* Tasting the Sky : a Palestinian Childhood / I. Barakat. — Harrisonburg : Melanie Kroupa Books, 2007. — 176 p.

3. *Nye N. Sh.* Habibi / N. Sh. Nye. — New York : Aladdin Paperworks, 1999. — 271 p.

Литература

1. *Делез Ж.* Кафка : за малую литературу / Ж. Делез, Ф. Гваттари / перевод Я. И. Свирского. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2015. — 112 с.

2. *Дубовицкая М. А.* Языковое преломление диады «Восток-Запад», или оппозиции «свой-чужой», в арабо-американском романе «Книга Халида» Амина Ар-Рейхани / М. А. Дубовицкая // Филологические науки в МГИМО. — 2017. — № 11. — С. 113—117.

3. *Зеленин А. В.* Немцы в русской культуре (Лингвистическая имагология) / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. — 2013. — № 4. — С. 63—71.

4. *Земсков В. Б.* Россия на «переломе» / В. Б. Земсков // На переломе : образ России прошлой и современной в культуре и литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI вв.). — Москва : Новый хронограф, 2011. — С. 4—26.

5. *Иванова Л. П.* Африка глазами Н. Гумилева (лингвоимагологический аспект) / Л. П. Иванова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2013. — Том 26 (65). № 1. — С. 471—477.

6. *Камалова С. Д.* Дихотомия «свои — чужие / иные» в палестино-израильском конфликте с позиции лингвистической имагологии (на материале романов *Линн*

Рейд Бэнкс “Broken Bridge” и *Глории Дубов Микловитц “The Enemy Has a Face”) / С. Д. Камалова // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 72—84.*

7. *Костина К. В.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / К. В. Костина. — Иркутск, 2011. — 171 с.

8. *Матвеева А. А.* Дейксис как маркер категории «Свой—чужой» / А. А. Матвеева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. —№ 13. — С. 47—52.

9. *Ощепков А. Р.* Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 251—253.

10. *Поляков О. Ю.* Имагология : теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. — 162 с.

11. *Тлостанова М. В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.05 / М. В. Тлостанова. — Москва : РГБ, 2005. — 353 с.

12. *Толкачев С. П.* Мультикультурный контекст современного английского романа : диссертация …доктора филологических наук : 10.01.03 /С. П. Толкачев. — Москва : РГБ, 2003. — 381 с.

13. *Толкачев С. П.* Современная английская кросскультурная литература в поле постколониальной теории / С. П. Толкачев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 22 (628). — С. 118—151.

14. *Чхартишвили Г.* Но нет Востока и Запада нет / Г. Чхартишвили // Иностранная литература. — 1996. — № 9. — 258 с.

15. *Bar-Tal D.* Routinization of the Israeli-Arab Conflict : The Perspective of Outsiders / D. Bar-tal, S. Vered // Israel Studies Review. — 2014. —Vol. 29. Issue 1. — Pp. 41—61.

16. *Beller M.* Imagology : The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters —A Critical Survey / M. Beller, J. Leerssen // Series : Studia Imagologica ; series editors : Hugo Dyserinck and Joep Leerssen. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007. — Vol. 13. — 476 p.

17. *Bhabha H. K.* The Location of Culture / H. K. Bhabha. — London and New York : Routledge, 1994.

18. *Cai M.* Multicultural Literature for Children and Young Adults : Reflections on Critical Issues / M. Cai. — Westport, Conn : Greenwood Press, 2002. — 200 p.

19. *Carré J.-M.* Les écrivainsfrançaiset le mirage allemande : 1800—1940 / J.-M. Carre. — Paris : Boivin, 1947. — 223 p.

20. *Dyserinck H.* Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Electronic resource] / H. Dyserinck // Intercultural Studies. — 2003. — № 1. — Access mode : https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf.

21. *Multiculturalism*. A Critical Reader / D. Th. Goldberg (ed.). — Blackwell, 1995. — 452 p.

22. *Said E.* Orientalism / E. Said. — New York : Pantheon, 1978. — 377 p.

Linguoimagological Approach to Multicultural Literature (Based on the Novels "Habibi" by Naomi Shihab Nye, "Where the Streets Had a Name" by Randa Abdel-Fattah and "Tasting the Sky: A Palestinian Childhood" by Ibtisam Barakat)

© **Kamalova Sofya Damirovna (2019),** orcid.org/0000-0002-3714-824X, SPIN-code 3793-7435, senior lecturer, Department of English Language No. 3, Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia), salyam19@mail.ru.

The article considers the phenomenon of multiculturalism in its connection with linguistic imagology. The author describes the differences between the liberal model of multiculturalism, recognized as utopian, and the polycentric model, rooted in postcolonial theory. The novelty of the research is seen in the fact that the ideas of multiculturalism are considered in comparison with the ideas of imagology, which also focuses on the issues of identity and otherness. Points of contact of two scientific directions are designated. The author shows that the phenomenon of multiculturalism is reflected in multicultural literature, the study of which has become particularly relevant with the acceleration of globalization. The article provides the views of both Russian and foreign scientists on the concept of multicultural literature, for the study of which a linguoimagological approach is proposed, implying linguo-stylistic analysis with an emphasis on the representation of the image of "others," "strangers" in comparison with the image of "self". Based on the material of English-language works devoted to the Israeli-Palestinian conflict, the author analyzes the methods of presenting the tragic events of confrontation through the eyes of the authors- bearers of Palestinian culture: the inclusion of deictic means, symbolic images, militaristic vocabulary, means of imitating broken English speech, etc. in the narration. The author concludes that the studied works provide an opportunity to look at one of the longest conflicts in modern history through the eyes of people constantly living in the conditions of a real military-political confrontation.

Key words: multiculturalism; multicultural literature; imagology; linguistic imagology; Israeli-Palestinian conflict.

Material resources

Abdel-Fattah, R. (2010). *Where the Streets Had a Name.* New York: Schlastic Press.

Barakat, I. (2007). *Tasting the Sky: a Palestinian Childhood*. Harrisonburg: Melanie Kroupa Books.

Nye, N. Sh. (1999). *Habibi*. New York: Aladdin Paperworks.

References

Bar-Tal, D., Vered, S. (2014). Routinization of the Israeli-Arab Conflict: The Perspective of Outsiders. *Israel Studies Review, 29 (1):* 41—61.

Beller, M., Leerssen, J. (2007). Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters —A Critical Survey. *Series: Studia Imagologica, 13*. Amsterdam; New York: Rodopi.

Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture.* London and New York: Routledge.

Cai, M. (2002). *Multicultural Literature for Children and Young Adults: Reflections on Critical Issues*. Westport, Conn: Greenwood Press.

Carré, J.-M. (1947). *Les écrivainsfrançaiset le mirage allemande: 1800—1940*. Paris: Boivin. (In Franc.).

Chkhartishvili, G. (1996). No net Vostoka i Zapada net. *Inostrannaya literature, 9.* (In Russ.).

Delez, Zh., Gvattari, F. (2015). *Kafka: za maluyu literaturu*. Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. (In Russ.).

Dyserinck, H. (2003). Imagology and the Problem of Ethnic Identity. *Intercultural Studies, 1.* Available at: https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf.

Dubovitskaya, M. A. (2017). Yazykovoye prelomleniye diady «Vostok-Zapad», ili oppozitsii «svoy-chuzhoy», v arabo-amerikanskom romane «Kniga Khalida» Amina Ar-Reykhani. *Filologicheskiye nauki v MGIMO, 11:* 113—117. (In Russ.).

Goldberg, D. Th. (ed.) (1995). *Multiculturalism. A Critical Reader.* Blackwell.

Ivanova, L. P. (2013). Afrika glazami N. Gumileva (lingvoimagologicheskiy aspekt). *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsialnyye kommunikatsii», 26 (65) / 1:* 471—477. (In Russ.).

Kamalova, S. D. (2018). Dichotomy “Own — Alien” in Discourse of Palestinian-Israeli Conflict from Point of View of Linguistic Imagology (on Material of Novels byLynne Reid Banks “Broken Bridge” and Gloria Dubov Miklowitz “The Enemy Has a Face”). *Nauchnyy dialog, 2:* 72—84. (In Russ.).

Kostina, K. V. (2011). *Aksiologicheskiy aspekt yazykovoy reprezentatsii obraza Rossii v sovremennom nemetskom mediadiskurse:* dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04. Irkutsk. (In Russ.).

Matveyeva, A. A. (2007). Deyksis kak marker kategorii «Svoy—chuzhoy». *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 13:* 47—52. (In Russ.).

Oshchepkov, A. R. (2010). Imagologiya. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye, 1:* 251—253. (In Russ.).

Polyakov, O. Yu., Polyakova, O. A. (2013). *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskiye osnovy.* Kirov: Raduga-PRESS. (In Russ.).

Tlostanova, M. V. (2005). *Problema multikulturalizma i literatura SShA kontsa XX veka:* dissertatsiya … doktora filologicheskikh nauk: 10.01.05. Moskva: RGB. (In Russ.).

Tolkachev, S. P. (2003). *Multikulturnyy kontekst sovremennogo angliyskogo romana:* dissertatsiya … doktora filologicheskikh nauk: 10.01.03. Moskva: RGB. (In Russ.).

Tolkachev, S. P. (2011). Sovremennaya angliyskaya krosskulturnaya literatura v pole postkolonialnoy teorii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 22 (628):* 118—151. (In Russ.).

Said, E. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon.

Zelenin, A. V. (2013). Nemtsy v russkoy kulture (Lingvisticheskaya imagologiya). In: *Russkiy yazyk v shkole, 4:* 63—71. (In Russ.).

Zemskov, V. B. (2011). Rossiya na «perelome». In: *Na perelome: obraz Rossii proshloy i sovremennoy v kulture i literature Evropy i Ameriki (konets XX — nachalo XXI vv.).* Moskva: Novyy khronograf. 4—26. (In Russ.).